П.В. Ломейко, В.А. Скарбовенко, В.В. Гасилин

ПОГРЕБЕНИЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО КОЧЕВНИКА НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДА САМАРЫ

В 2001 году в Самарский государственный университет поступили предметы, извлечённые из погребения, разрушенного при проведении земляных работ во дворе частного дома №9 по ул. Карла Либкнехта в Октябрьском районе г. Самары. Вместе с предметами переданы неполный скелет человека и кости животных. Погребение было разрушено во время рытья котлована под фундамент нового дома №9а на территории приусадебного участка домовладения. При осмотре места находки установлено, что погребальный комплекс уничтожен полностью – никаких остатков могильной ямы и надмогильной конструкции не выявлено, за исключением известняковых камней в земляном отвале, которые могли первоначально образовывать выкладку над могильной ямой. По словам рабочих-землекопов, скелет человека был ориентирован головой к Волге, что соответствует направлению на северо-запад. Какой-либо информации о местоположении предметов и костей животных относительно скелета погребённого рабочие сообщить не смогли.

Дом №9 по ул. Карла Либкнехта находится в 615 м севернее ул. Ново-Садовой и в 440 м южнее современного берега р. Волги, на левой стороне Постникова оврага, в 350 м западнее его бровки, на высоте 68 м над уровнем моря, на 37 м выше уреза воды в р. Волге. Он располагается вблизи места пересечения улицы Карла Либкнехта и спуска Лейтенанта Шмидта, ведущего к берегу р. Волги и автомобильной паромной речной переправе, в 50 м восточнее уличного перекрёстка. В геоморфологическом отношении местоположение дома №9 соответствует уровню второй надпойменной террасы р. Волги. Улица Карла Либкнехта проложена в тыльной части террасы, вдоль подножия склона водораздельного плато.

Кости погребённого из разрушенного захоронения были подвергнуты антропологическому анализу. По заключению А.А. Хохлова, костяк принадлежит ребёнку в возрасте 7–8 лет. Вследствие фрагментарности черепа и его посмертной деформации антропологический тип установлен приблизительно: брахикрания черепа и некоторая уплощенность лицевого скелета дают основание предположить содержание в генотипе человека определённой доли монголоидности.

Археозоологический комплекс из погребения включает кости крупного рогатого скота и лошади. Возможно, этот материал был также собран не полностью.

В состав костей крупного рогатого скота входят пять ребер с левой стороны тела из средней части грудной клетки одной молодой особи. Кусок грудины был отрезан от грудного отдела позвоночника по шейкам ребер, нижние концы ребер не пострадали. Следует полагать, что это остатки либо напутственной пищи, либо поминальной тризны.

В состав костей лошади входят полный череп с нижней челюстью (сильно разрушены при извлечении из грунта), нижние концы двух парных лучевых костей без эпифизов, одна целая кость запястья с левой стороны тела со следами погрызов мелкого грызуна, две целые парные пястные кости, четыре целые передние грифельные кости (редуцированные пястные), по две целых парных передних первой, второй и третьей фаланг, по одной целой сезамоидной, левой пяточной без эпифиза и целой задней грифельной (редуцированная плюсневая) кости. Все кости передних конечностей, кроме лучевых (ввиду отсутствия эпифизов и сочленяющихся с ними костей запястья), оптимально составлялись в соответствующие парные звенья, правые и левые одноименные кости по форме и размерам полностью симметричны и, несомненно, принадлежат одной особи. Судя по наличию пяточной и задней грифельной костей, в состав погребального комплекса входили также дистальные отделы задних конечностей. Наличие хвостовых позвонков остаётся под вопросом. От туши передние конечности лошади были отсечены косыми ударами по нижним третям диафизов лучевых костей.

Анализ состояния зубной системы показал, что череп принадлежит самцу (коню) в возрасте трёх лет. Состояние синостозов трубчатых костей скелета не противоречит данным о молодом возрасте животного.

С целых костей коня большинство промеров (мм) было снято по методике В. Айзенманн (Eisenmann, 1988)*, использованы также дополнительные промеры. Измерены зубы и кости конечности с левой стороны тела.

Длина коронки P2 36,0;
ширина коронки P2 25,3;
длина коронки M3 26,2;
ширина коронки M3 23,7;
длина коронки p2 34,0;
ширина коронки p2 15,2;
длина коронки m3 30,3;
ширина коронки m3 10,9;
пястная кость – длина наибольшая (1) 223,3;
длина медиальная (2) 215,0;
ширина верхней суставной поверхности (5) 47,3;
ширина фасетки для 3-й запястной кости (7) 31,0;
поперечник верхней суставной поверхности (6) 30,3;
ширина диафиза наименьшая (3) 29,5;
ширина блока (11) 46,0;
поперечник блока по гребню (12) 34,4;
диаметр медиального мыщелка наибольший (14) 29,6;
диаметр медиального мыщелка наименьший 27,3;
диаметр латерального мыщелка наим. (13) 26,1;

фаланга первая – длина наибольшая (1) 81,5;
длина сагиттальная (2) 74,6;
высота треугольника (9) 49,0;
ширина верхнего конца (4) 48,4;
поперечник верхнего конца (5) 34,1;
ширина диафиза (3) 32,0; поперечник диафиза 21,8;
ширина в буграх (6) 43,1; ширина блока (7) 41,1;
поперечник блока (8) 23,3;
фаланга вторая – длина общая (1) 43,0;
длина сагиттальная (2) 33,4;
ширина верхнего конца (4) 47,0;
поперечник верхнего конца (5) 28,8;
ширина диафиза (3) 41,8; ширина блока (6) 47,8;
поперечник блока 25,4;
пяточная – ширина тела наименьшая (3) 17,3;
поперечник наибольший (7) 47,4;
фаланга третья – длина по переднему краю (2) 49,7,
ширина суставной поверхности (4) 47,1;
высота наибольшая (6) 36,4.

Значение наибольшей длины пястной кости коня из исследуемого погребения находится в пределах изменчивости этого признака (208–238 мм) у лошадей (n=80) из раннеболгарского Танкеевского могильника (Петренко, 2000) и практически соответствует среднему арифметическому значению для них (223 мм). Однако ширина диафиза его пясти оказалась почти равной минимальному значению признака у этих особей (30,0–39,0 мм). Соотношение наименьшей ширины диафиза пясти и её наибольшей длины («индекс тонконогости») составило 13,2%, что по градации А.А. Браунера (Цалкин, 1966) характеризует «крайне тонконогих» лошадей. Индекс у пястных костей лошадей из Танкеевского могильника варьировал от 13,4% («тонконогие») до 17,1% («полутолстоногие») при среднем значении, равном 15,3%. Наибольшее количество этих особей соответствовали группам «полутонконогих» и «средненогих» лошадей. Строение костей конечностей коня из исследуемого погребения представляется более грацильным, чем у лошадей из Танкеевского могильника.

Поступившие в университет предметы, найденные вместе с захороненным человеком, судя по всему, составляют часть инвентаря разрушенного погребения: на поясничных позвонках скелета виднелись следы медных окислов от пряжки или поясных накладок, которые до специалистов не дошли. Всего археологам переданы четыре предмета:

1. Небольшая железная пряжка с подвижным язычком (рис. 1.1). Форма рамки трапециевидная, щиток конструкцией не предусмотрен. Один из концов язычка загнут кольцом вокруг тыльной стороны рамки, другой налегает сверху на переднюю сторону рамки, а затем изгибается и спускается вниз вдоль её торца, образую загнутый хоботок. Пряжка изготовлена из прямоугольного в сечении прута, наружная часть рамки слегка уплощена дополнительной проковкой. Длина рамки 2,5 см, ширина передней стороны 2,6 см, тыльной 2,1 см.

2. Железная пряжка с подвижным язычком, сохранившаяся не полностью – тыльная сторона рамки и язычок отсутствуют (рис. 1.2). Пряжка имеет рамку в форме длинной трапеции с закруглённой передней стороной. Рамка изготовлена из уплощенного проковкой прямоугольного в сечении прута. Длина пряжки 4,2 см, ширина передней стороны 3,6 см, тыльной – около 3,2 см.

3. Железные двусоставные удила (рис. 1.4). Звенья удил состоят из четырёхгранного стержня, заканчивающегося кольцом большого диаметра на наружном конце и малого диаметра на внутреннем, причём оба кольца располагаются в одной плоскости. Каждое звено выполнено из прямоугольного в сечении прута: вначале из прута изготовлена стержневидная часть на половину своей толщины, затем прут изогнут кольцом с наружной стороны стержня, проложен ещё раз вдоль центральной стержневидной части звена и загнут в кольцо на внутреннем конце звена, размещавшемся во рту лошади. Двухслойный центральный стержень обработан дополнительной ковкой для придания ему вида монолитного четырёхгранника и, возможно, перед этим сварен. Описанная технология привела к появлению характерной детали формы удил – угловатому излому внутренней стороны больших внешних колец на месте изгиба прута и стыка двух половин центрального стержня. Длина одного звена удил – около 8,4 см, диаметр внешнего кольца 3,8×3,5 см, внутреннего – 1,9 см, длина стержня – около 3,0 см, толщина 0,8–0,9 см.

4. Железный наконечник стрелы с четырёхгранной узкой головкой и длинным черешком (рис. 1.3). Наконечник стрелы коррозирован и слегка изогнут. Общая длина наконечника в согнутом виде 10,0 см, длина его головки 3,6 см при максимальной ширине 0,8 см. Черешок в верхней части имеет чёткое четырёхгранное сечение, толщина его составляет 0,4 см; в нижней части черешок сужается до 0,2 см и уплощается.

Некоторые детали погребального обряда (в частности, наличие черепа и костей ног лошади) и найденные вместе с костяком предметы позволяют отнести погребение, случайно обнаруженное на ул. Карла Либкнехта, к культуре волжских болгар доисламского периода. При определении хронологической позиции погребения авторы опирались на неоднократные находки удил, однотипных с обнаруженными в погребении на ул. Карла Либкнехта, в погребальных комплексах новинковского типа второй половины VII–VIII вв. н. э., исследованных на Самарской Луке, в частности, в курганах 12–14 курганного могильника Брусяны II (Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998. С. 124; 125, рис. 29.2, 4; Табл. XLII.2, 4; Табл. XLIII.3, 4), в курганах 1 и 11 курганно-грунтового могильника Шелехметь II (Багаутдинов, 1995. Рис. 2.6; Бражник, Кирсанов, Лифанов, 2000. Рис. 5.4). Несмотря на очевидную простоту формы удил из курганов новинковского типа и публикуемого погребения, они изготовлены по одной и той же технологической схеме и несут на себе легко обнаруживаемые внешние признаки этой схемы в виде угловатого излома внутреннего контура на-

ружных колец, о чём упоминалось выше, а также трещин вдоль линии продольного стыка половинок стержневидных частей удил. Единообразие формы и схемы изготовления указывает на принадлежность удил из новинковских могильников и погребения на ул. Карла Либкнехта к одной технологической традиции. За пределами ареала памятников новинковского типа этот тип удил встречен на территории Южного Приуралья в памятниках VII–VIII вв., например, в Манякском и Лагеревском могильниках (Мажитов, 1981. Рис. 6.7; 10.20). Однако время бытования подобных удил, по-видимому, не ограничивалось VII–VIII веками: экземпляр этого типа обнаружен в погребении 50 Больше-Тиганского могильника, который функционировал во второй половине VIII – первой половине IX веков (Казаков, 1992. Рис. 129.43). В более поздних погребениях IX и даже X вв. ещё сохраняется описанная выше технологическая схема изготовления удил, но простейших форм там нет, все удила имеют дополнительные подвижные трензельные кольца – примером могут служить удила из кургана 6 Лагеревского могильника (Мажитов, 1981. Рис. 38.23) и погребение 778 Танкеевского могильника (Khalikova, Kazakov, 1977. Pl. XXIV.25).

Железные трапециевидные пряжки с закруглённой передней стороной рамки встречаются как в памятниках новинковского типа (Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998. Табл. XL.23; LXIII. 2; LXIX.10), так и в более поздних могильниках болгар (Танкеевка, п. 6: Khalikova, Kazakov, 1977. Pl. Ia. 4) и могильниках кочевников Южного Приуралья IX–X вв. (Старо-Халиловский, к. 6: Мажитов, 1981. Рис. 55.16; 56.8). Однако маленькие железные пряжки с подвижным язычком и рамкой трапециевидной или прямоугольной формы более характерны для погребений VII–VIII вв.: в качестве достаточно близких аналогий можно указать экземпляры из погребения 2 кургана 1 могильника Шиловка, исследованного в Сенгилейском районе Ульяновской области (Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998. Табл. VIIIa.2, 4, 5).

Найденный в погребении на ул. Карла Либкнехта наконечник стрелы принадлежит к довольно редкому типу и прямых аналогий отыскать ему не удалось. В погребении 14 Больше-Тиганского могильника и погребении 5 Танкеевского могильника встречены экземпляры черешковых железных наконечников стрел с четырёхгранными головками, но они отличаются от публикуемого наконечника иными пропорциями – длинными головками и короткими черешками (Казаков, 1992. Рис. 19.22; 55.17). Четырёхгранные наконечники стрел с короткими черешками изредка попадаются в погребениях чёрных клобуков конца XI – начала XIII вв. (Плетнёва, 1973. Табл. 39.1–6). Однако наиболее близким по форме и пропорциям публикуемому наконечнику из погребения на ул. Карла Либкнехта оказался железный наконечник с короткой четырёхгранной головкой и длинным черешком, найденный в погребении 156 Бирского могильника, которое относится к последнему периоду функционирования памятника и датируется VII в. н. э. (Амброз, 1980. С. 17).

Таким образом, вещи, найденные в разрушенном погребении на ул. Карла Либкнехта, принадлежат к типам, которые встречены в исследованных памятниках VII–IX веков. Учитывая достаточно продолжительный хронологический диапазон большинства из них, авторы не считают возможным настаивать на узкой дате комплекса и определяют его время VIII–IX вв. н. э.

Список литературы:

Амброз А.К. Бирский могильник и проблема хронологии Приуралья в IV–VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980.

Багаутдинов Р.С. Новые раннеболгарские курганы Самарской Луки // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.

Багаутдинов Р.С., Богачёв А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998.

Бражник О.И., Кирсанов Р.С., Лифанов Н.А. Исследование Шелехметского II курганно-грунтового могильника в 1999 г. // Краеведческие записки. Вып. IX. Самара, 2000.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М., 1992.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М., 1981.

Петренко А.Г. Следы ритуальных животных в могильниках древнего и средневекового населения Среднего Поволжья и Предуралья. Казань, 2000.

Плетнёва С.А. Древности чёрных клобуков. САИ. Вып. Е1–19. М., 1973.

Цалкин В.И. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии // МИА. 1966. №135.

Eisenmann V., Alberdi M. T., de Giuli G., Staeche U. Studying fossil horses // Collected papers after the «New York International Hipparion Conference, 1981». Vol. 1: Methodology. Leiden; New York; København; Köln, 1988.

Khalikova E.A., Kazakov E.P. Le cimetière de Tankeevka // Les anciens Hongrois et les ethnies voisines a l'Est. Budapest, 1977.

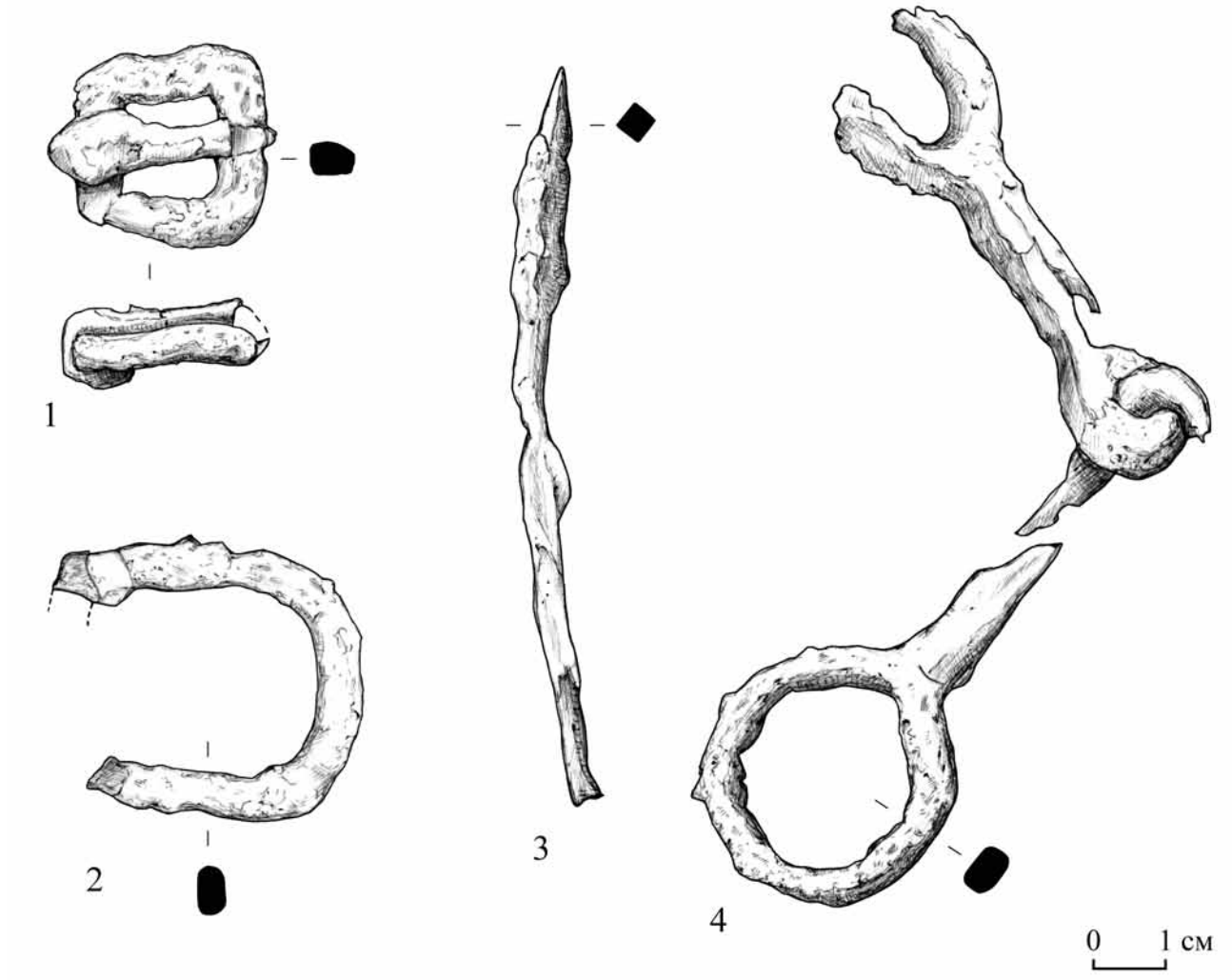

Рис. 1. Находки из погребения на ул. Карла Либкнехта в г. Самаре.